

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)“18”+343.544+176.5
DOI 10.26456/vthistory/2023.1.049–062

АНАТОЛИЙ ФЁДОРОВИЧ КОНИ КАК ПОЛИТИК

Д.В. Рыбин

Всероссийский государственный университет юстиции,
Санкт-Петербург, Россия

В статье раскрывается неизвестная страница из жизни выдающегося российского юриста А.Ф. Кони. Общественный деятель такого масштаба не мог не оказывать политического влияния на государственную систему. Само политическое мировоззрение юриста формировалось постепенно во второй четверти XIX в. и её можно отнести к сфере либерального легализма (консервативного либерализма). Конфликт с консервативным крылом государственной элиты в 1890-е гг. привёл Кони в стан умеренных оппозиционеров власти. Политические опыты сенатора привели его к активному участию в событиях первой русской революции. Он не только поощрял создание консервативно-либеральных партий, но и вёл активную переписку с крупными политическими фигурами и общественными деятелями о совместных действиях. В конечном счёте после отказа войти в «общественное правительство» Кони выбрал не публичную политику, а привычную ему подковёрную борьбу в государственном аппарате империи.

Ключевые слова: *А.Ф. Кони, Сенат, уголовно-кассационный департамент, Государственный Совет, Министерство юстиции, либеральный легализм, консервативный либерализм.*

Утверждение о том, что Анатолий Фёдорович Кони являлся политиком, кажется странным и непривычным. Он известен как судья и прокурор, писатель, популяризатор знаний. Никто не писал о политической деятельности Кони. Тем не менее она была. Её не могло не быть по ряду причин. Кони выступал идеологом судебного сословия России, написал в защиту суда много научных работ, защищал интересы судей везде, где это было возможно, он состоял в десятках общественных организациях, некоторые из которых были близки к отдельным политикам и партиям. Кони вёл постоянную переписку с сотнями людей, в том числе политиками и государственными деятелями. В ней он обсуждал политические проблемы России. В 1907–1917 гг. Кони участвовал в заседаниях Государственного Совета империи, выступал с докладами. Многие современники воспринимали Кони как крупного политика, особенно после того, как П.А. Столыпин предложил ему пост министра юстиции.

Несмотря на очевидные признаки политической активности Кони, ни один исследователь не обратил на это внимания. Никто не заметил, что Кони заимствовал политическую идеологию у своего учителя Б.Н. Чичерина. Никто не заметил, что многие его друзья, ученики и подчинённые возглавили после 1905 г. ряд политических партий. Отсутствие исследований вынудило приступить к изучению роли и места сенатора в политической системе империи.

Основными источниками при подготовке работы были письма А.Ф. Кони, опубликованные и неопубликованные, воспоминания Кони и мемуары о нем, записки Кони и его статьи, материалы различных государственных комиссий и заседаний Государственного Совета.

Анализ этих материалов позволил сформулировать идеологию Кони и представителей группы консервативных либералов, выделить этапы политической деятельности, определить степень его влияния на политические группы и политику в поздней империи.

Важнейший и основной источник знаний об участии Кони в политике – письма юриста и письма к нему. Во второй половине XIX в. молодой юрист Кони в политической деятельности почти не участвовал. Он делал карьеру в государственном аппарате, не имел чётких и глубоких политических пристрастий, не мог заниматься политическими вопросами в авторитарном государстве, не был известен прогрессивной общественности. Это не означало, что он не обсуждал политические проблемы и не думал о их решении. Напротив, они затрагивали его очень глубоко. Свои мысли по ним Кони излагал в переписке с близкими друзьями. Интересующие нас письма находятся в фондах Кони (134 в рукописном отделе ИРЛИ и 564 в ГАРФ), а также в восьмом томе собраний сочинений А.Ф. Кони, опубликованном в 1968 г. В них он, как правило, передаёт своё эмоциональное отношение к политическим процессам в империи. Конечно, в силу субъективизма их автор не всегда давал точную оценку происходящим событиям, но верно отражал настроения групп либеральной интеллигенции, к которым сам принадлежал.

К.П. Краковский и В.Н. Сашонко, используя переписку Кони, иллюстрировали его политическую позицию по проблемам, волновавшим империю. Основным исследователем, проанализировавшим эпистолярный жанр Кони как исторический источник, стала С.А. Доманова. В своей диссертации она блестяще выявила взаимосвязи между отдельными элементами переписки, показала, как состояние Кони отражалось в его письмах (*Доманова, С.А. Переписка А.Ф. Кони как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999*). Изучив много писем Анатолия Фёдоровича, Доманова вскрывает его отдельные мысли о будущем России, о большевизме, о распаде общества.¹

Значительная часть политических высказываний Кони была отражена в его переписке с однокурсником и юристом Сергеем Морошкиным. Первые

¹ Доманова С.А. Бытовое и бытийное во взаимоотношениях врача и пациента // Философские проблемы биологии и медицины: сб. ст. М., 2015. Вып. 9. С. 36–42.

политические воззрения можно зафиксировать у молодого юриста в 1866 г. Вначале он отличился при защите дипломной работы (напечатанной), в которой, говоря о пределах необходимой обороны, допускал вооружённое восстание в случае нарушения закона со стороны государства². Поступив на службу, в письме к Морошкину от 9 ноября 1866 г. он отмечал: «Я попал в среду петербургского чиновничества; – этой самой лакейской подлости с татарским чванством, жидовской алчности, с бесстыдством камелии и тупоумием готтентота»³. В последующие годы, составляя подобные письма, Кони никогда не отправлял их по почте, а пересылал чаще с другом К.К. Арсеньевым. Морошкин же отправлял письма открыто. Переписка Кони находилась после 1866 г. под полным контролем перлюстрационных служб III Отделения императорской канцелярии. Все его письма и все письма к нему прочитывались, и из них делались экстракты (выписки), которые поступали к главному управляющему отделением. Как следствие, проверить мнение Кони по политическим вопросам было почти невозможно. Морошкин, же, напротив, был «весь на виду». В дальнейшем сокурсник и ровесник Кони не смог сделать карьеру и провёл всё время своей службы в Харькове. Неоднократные просьбы Кони перевести его в столицу всегда встречали отказ⁴.

В письме к Морошкину 12 ноября 1867 г. Кони выступает как верный монархист. Молится за здоровье царя. По его мнению, чиновники запутывают все прекрасные реформы Александра II, подавляют земства. Часть общества «дурит», предавшись нигилизму, но из этого не следует необходимость в сворачивании реформ⁵.

Стоит отметить, что Кони на всю жизнь сохранил уважение к Александру II. В 1881 г. он написал для публикации небольшой некролог о смерти царя (опубликован не был). Уже в 1916 г. он вошёл в состав комиссии по выработке чествования 100-летия со дня рождения императора Александра II⁶.

По словам Кони, в 1876 и 1878 гг. он подавал записки министру юстиции Палену и наследнику престола Александру II о росте напряжения в обществе в связи с правилами о проведении дознания жандармерией по политическим делам от 19 мая 1871 г. и о законе об особом порядке рассмотрения политических дел от 07 июня 1872 г.⁷

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 147. Д. 546. Л. 1–12.

³ Рукописный отдел Института Российской литературы и искусства РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 134. Оп. 2. Д. 44. Л. 7–8.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3а. Д. 223. Л. 1–11.

⁵ Там же. Оп. 32. Д. 223. Л. 5.

⁶ Комиссия по выработке чествования 100-летия со дня рождения императора Александра II // Ведомости Петроградского градоначальства. 08.06.1916. С. 12.

⁷ Краковский К.П., Соломко З.В. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М. 2020. Т. 5: Судостроительство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года). С. 168, 182–183.

После дела Веры Засулич (1878 г.) городская общественность России узнала о молодом «красном» судье. Сам Кони попал под ещё более пристальное внимание полиции. Тем временем период конца 1870 – начала 1880-х гг. был отмечен брожением общества. Молодые социалисты ожидали революцию, молодые либералы ожидали реформ и принятия конституции. Кони оказался захвачен потоком общественных настроений.

Весь 1879 г. Анатолий Фёдорович писал письма, охваченные глубоким пессимизмом. 27 февраля в письме к Морошкину он отмечал, что чрезвычайно рад, что не женат и не имеет детей. «Что увидят они!? Правительство не имеет целей. Общество приучается к крови. Грубая власть. Отвратительный деспотизм толпы и полное отсутствие представлений об органической жизни государства. Сила характеров большая, сила мысли ничтожная [Кони о революционерах]»⁸. Далее Кони «раздаёт всем на орехи». Награждает окружающих его людей нелестными эпитетами: «Чиновник – хищник», «Литература и прихвостничающая при ней адвокатура изолгались вконец», «Вся эта толпа мчится в пропасть» «Народ гибнет, угнетен, засорен, споен по кругу, отдан на жертву раскола, жидов и кулаков». И констатирует: «Мы быстро идём к перевороту, но переворот в России называется бунтом. Культура погибнет, и мы отодвинемся на столетие за Петра». По мнению Кони, «конституция – единственное лекарство». Идеализируя конституцию, Кони также идеализировал русский народ: «Надо верить в русский народ. В нем есть спящие, но великие силы». Как казалось Кони, принятие конституции неизбежно⁹. Стоит отметить, что Анатолий Фёдорович в таких размышлениях не был оригинален и вслед за другими общественными деятелями рассчитывал найти в народе-«богоносце» некие позитивные силы¹⁰.

В 1880-х гг. после спада общественной активности Кони сохранял угрюмое, подозрительное отношение к российской бюрократии, не ожидая от будущего ничего хорошего. В письме к Любови Григорьевне Гогель 13 ноября 1887 г. Кони вновь переживал по поводу неправильной политики государства: «Наше... безнравственное и одичалое Правительство... при отсутствии всяких моральных принципов у наших министров...». Порядочному человеку «остаётся или издавать «глас вопиющего в пустыне», или же войти в «совет нечестивых. Первое – глупо, второе – гаже чем глупость. Надо уходить...»¹¹. В письме к Морошкину 27 января 1888 г. Кони подчёркивал, что «для настоящего состояния русского общества я признаю самодержавие лучшей формой правления, но самодержавие, в котором всевластие связано с возможным всезнанием, а не самовластие разных проскочивших в министры хамов... Такое самодержавие – несчастье для страны»¹².

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 44. Л. 35–40.

⁹ Там же. Л. 35–45.

¹⁰ Там же. Л. 35–45.

¹¹ Там же. Д. 80. Л. 1.

¹² Кони А.Ф. С.Ф. Морошкину // Собрание сочинений: в 8-томах. М., 1968. Т. 8. С. 99–100.

Интерес представляют взаимоотношения Кони с царём. Первая встреча состоялась в 1885 г. (письмо Кони к Гернету). Кони представляли Александру III как нового обер-прокурора Уголовно-кассационного департамента (далее – УКД) Сената. Царь немедленно вспомнил о деле Засулич и упрекал молодого юриста¹³. В письме к Морошкину 27 января 1888 г., критикуя правительство, Кони называл царя «упрямый и ограниченный монарх». После общения с царём в связи с катастрофой в Борках (крушение императорского поезда) Кони радикально изменил своё отношение. После встречи с царем 23 ноября 1888 г. он писал: «я ушел с сердцем, умиленным... простотой, добротой и вниманием... Честный царь»¹⁴. В последующие годы идеализированное представление о царе сохранялось у Анатолия Фёдоровича до 1917 г. В советское время отношение к царю могло скомпрометировать Кони, и он тщательно следил за тем, чтобы его имя не связывали с покойным монархом. Так, когда в 1925 г. в газете «Голос» вышла публикация Фирсова «Личная характеристика Александра III», Кони обнаружил в ней информацию о званом обеде 1885 г., в котором он якобы участвовал. Немедленно было написано письмо с просьбой об опровержении. Из содержания письма следовало, что Кони в то время был чуть ли не революционером¹⁵.

В то же время события начала 1880-х гг. привели Кони к разочарованию в либеральной интеллигенции. Он себя от неё дистанцировал и оценивал её крайне негативно. Также негативно он оценивал революционеров. В письме к Н.С. Таганцеву 23 июня 1894 г. на убийство французского президента Карно он резко ругал революционное движение, особенно анархистов. По его мнению, фраза о «равенстве и братстве» была пустым звуком. Революционеров обуяла «сатанинская гордыня на почве зависти, злобы и невежества... Воздействуют на слабые умы, на психопатические натуры»¹⁶. Не менее резко Кони продолжал осуждать действия правительства. Так, в письме к С.К. Гогелю 13 ноября 1887 г. он давал высшей администрации следующие характеристики: «Душа моя полна прискорбиа и я предвижу, что при теперешних порядках в нашем подлом, безнравственном и одичалом правительстве – и при отсутствии всяких моральных принципов у наших министров порядочному человеку остается или издавать “Глас вопиющего в пустыне” или же войти “в совет нечестивых”. Первое – глупо, второе хуже, чем глупо»¹⁷.

В переписке с Б.Н. Чичериным Кони неоднократно жаловался на «нездоровую» общественную атмосферу в России в начале XX в. «Литературное, общественное и уличное хулиганство победоносно подымает голову. Подчас русская жизнь представляется мне замкнутой в какой-то вагон, где курят, шумят, орут пьяные песни, играют в карты и явно и тайно грабят друг

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп.2. Д. 110. Л. 107–108.

¹⁴ Там же. Д. 44. Л. 204, 215, 237.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп.1. Д. 172. Л. 1.

¹⁶ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (далее – РО РНБ). Ф. 760. Оп. 1. Д. 236. Л. 45–46.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 89. Л. 1.

друга, а между тем вагон сошел уже с рельс и мчится по так называемому мертвому пути...» (из письма к Чичерину 30 декабря 1903 г.)¹⁸.

В конце XIX в. Анатолий Фёдорович работал в комиссии министерства юстиции по изменению Судебных Уставов 1864 г. В ней он узнал о готовящемся существенном изменении Уставов. В том числе судебный корпус подлежал бюрократизации, вводились новые судебные учреждения, что ещё больше запутывало судебную систему, следствие возвращалось в полицию и т. п. Возмущённый Кони протестовал против разрушения уставов 1864 г. Но зачастую он оказывался в одиночестве. Многие его бывшие друзья и соратники, почувствовав настроение царского двора, перешли на сторону министра юстиции Муравьева. Сопrotивление Кони, который выносил дискуссию на суд общественности, стоило ему должности обер-прокурора УКД Сената, а затем он вообще был удалён из УКД и направлен в Общее собрание 1 и 2 департаментов Сената (административных), своего рода «свалку старых маразматиков», как он сам их однажды определил. Сам этот перевод Кони в мемуарах обставил якобы своей болезнью, нежеланием выступать обвинителем по политическим делам и прочими причинами. Но на самом деле причина была политическая. Консервативная группа чиновников выдвинула либерального бюрократа из активной политики. Он попал в число неприкасаемых, не участвовал в проектах переустройства права, бурно размножившихся в начале XX в., встречал мелочные препоны со стороны министра юстиции и пр.

Тем не менее фрустрированный, обиженный и подавленный опытный бюрократ Кони подстраховался. В последний месяц перед отставкой с поста обер-прокурора он успел записаться на приём к молодому царю. Странная встреча состоялась 22 января 1897 г. Кони записал её по памяти. О содержании встречи мы можем судить только по одному источнику – записям сенатора. Текст был тщательно выверен и производит впечатление сухого бюрократического разговора, в котором царь спрашивает, а Кони отчитывается о своих литературных трудах. Маловероятно, что разговор протекал именно в такой манере, как описал его Кони. Следовательно, мы не знаем точное содержание разговора¹⁹.

Со стороны царя, возможно, это был утешительный реверанс, пилюля в сторону либеральной бюрократии. Так или иначе встреча с царём и многочисленные связи Кони с членами династии Романовых создавали ему защитный слой от консервативных чиновников, которые опасались с ним связываться. Кадровое поражение Кони означало его политическую победу. В тот момент родился Кони-политик. Его авторитет в интеллигентских кругах городов быстро вырос. К Кони стали относиться как к образцу порядочности

¹⁸ Саионко В.Н. А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1991. С. 206.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 654. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–4.

и идеалу. Произошла (по выражению Гримма) канонизация Кони²⁰. С таким политическим капиталом Анатолий Фёдорович вступил в новый XX век.

В 1903 г. Кони был вовлечён в предвыборную кампанию по выборам гласных Петербургской городской Думы. Будучи кандидатом от Литейной части, он получил голоса 853 избирателей из 932²¹. Ему, соответственно, предлагали пост председателя Думы. Из его писем мы узнаем, что здоровье не позволяло бывать на многих заседаниях Думы, и в 1904 г. он вышел из состава гласных. Так, Кони пробовал себя в политике и соотносил свои возможности с политической деятельностью²². В 1904 г. в связи с началом русско-японской войны Кони написал от имени Думы письмо с поддержкой действий русской армии²³.

17 мая 1904 г. известный издатель В.А. Гольцев написал письмо Анатолию Фёдоровичу с просьбой помочь молодому юристу А.Ф. Керенскому, племяннику Анны Александровны Адлер, известной благотворительницы, устроиться на работу к его другу А.С. Зарудному. Кони обратился к Зарудному с просьбой «пристроить» Керенского (21 мая)²⁴. Зарудный внял просьбе друга и, приняв к себе Керенского, направил его помощником присяжного поверенного Н.А. Опшеля. Так началась адвокатская карьера Керенского, а вскоре и политическая. Керенский не забыл, кто ему помог в трудную минуту, и отблагодарил Кони и Зарудного в 1917 г.

Кони эмоционально переживал события 1905 года, в письмах и беседах негативно оценивал неэффективную царскую систему. Большое впечатление на него произвели события декабря 1905 г. 20 декабря сенатор составил и напрямую направил императору письмо с программой реформ. Помимо эмоционального компонента, Кони хотел присоединиться к разработчикам конституционных актов, создававшим в то время основы нового государственного строя.

Сенатор констатировал две основные, по его мнению, причины революции – неудачная война с Японией и царское окружение, «ленивое и лукавое». Неоднократные высказывания власти об установлении «доверительных отношений» с обществом ничего, кроме раздражения, не вызывали. Ещё большее раздражение вызвали указы императора от 12 декабря 1904 г. о подготовке к созыву законосовещательных учреждений. Власть тем временем показывала всем свою растерянность и бессилие. В итоге произошла катастрофа 9 января 1905 г. Метания и колебания правительства усилились.

Указ 19 февраля 1905 г. о введении представительных учреждений реализовывался очень медленно и успокоения не принёс. По старой традиции законопроект о Государственной Думе рассматривался чудовищно медленно. Все меры запаздывали и не поспевали за событиями. Вместо скорого

²⁰ Гримм Д.Д. Воспоминания: Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. СПб., 2017. С. 106–117.

²¹ Сашонко В.Н. Указ. соч. С. 207.

²² Там же. С. 207–208.

²³ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 681. Л. 1.

²⁴ РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 458. Л. 8, 9.

принятия Конституции правительство занималось мелкими уступками. Университеты, получившие автономию, были захвачены «шумными и пестрыми митингами». Явочным порядком появилась свобода печати. В умы стали «вливать яд лжи и клеветы»²⁵.

Манифест от 17 октября 1905 г. оставил смешанные чувства. Декларация есть, а конституции по-прежнему нет. Подавление декабрьских восстаний ещё не означает прекращения революции. Симптомы революционного движения были налицо: «военные и морские хищения, бесчинства запасных, разбойничество хулиганов, гнилостный распад средней школы при благоклонном содействии педагогического персонала, аграрные волнения, резкие случаи нарушения военной дисциплины, оплевание и осмеяние всякого авторитета, растерянность и преступная небрежность многих представителей власти... прозрачные и ядовитые насмешки над Государем или родственниками в рисунках, стихах и прозе... Всеобщее недоверие пронизало общество. Высшие должностные лица потеряли уважение в обществе. Люди «правового порядка» (легалисты) с замиранием в сердце ждут – будут ли они вновь обмануты?»²⁶

Кони неоднократно патетически восклицал о судьбе государства и тщательно отделял «незнающего» императора от зловредных чиновников, дезинформирующих царя. Кони остался верен себе. Он тщательно оберегал имя государя от «грязи и скверны». Не предлагал ничего конкретного по изменению государственного строя. Письмо наполнено эмоциональными переживаниями монархиста. Неизвестно, попала ли эта записка к императору и, если да, была ли им прочитана. В любом случае последствий она не имела²⁷.

Письма 1906 г. наполнены страхами и негодованием. Так, В.Н. Санюшко приводит большое письмо Кони к Е.А. Нарышкиной – близкой знакомой по общественной деятельности (от 05 января 1906 г.). Кони указывал, что питал отвращение к анархии, всю жизнь поддерживал порядок и законность. Поэтому-то срочно необходимо провести либеральные реформы, ограничить самодержавие, принять конституцию. Кони отчетливо сознавал то положение, которое он занимал в российском обществе. Он называл себя Дон Кихотом в сфере бюрократии. Государство «думает, что наказывает меня, обходя назначениями и суетными побрякушками, то решается награждать меня». Анатолий Фёдорович подчеркивал, что государство использовало его в своих целях. Политические партии звали его в свой состав. Общество же, напротив, считало его носителем гуманизма и ждало или прямо требовало от него выступить с политическим заявлением, от которого он уклонился. Кони молчал. Дело дошло до упрёков. Сенатор констатировал, что «моё время пришло и мне есть что сказать». Однако события 1906

²⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 163. Л. 5.

²⁶ Там же. Л. 6.

²⁷ Там же. Л. 1–7.

года показали, что Кони так и не сказал своё слово. Посылая это письмо человеку, близкому к императрице, сенатор рассчитывал, что информация дойдёт до определённого адресата²⁸.

В том же году Анатолий Фёдорович написал письмо Владимиру Ивановичу Ковалевскому, соратнику Витте, организатору Прогрессивно-экономической партии (крупной буржуазии). Кони, возмущаясь, блистал своим владением русским языком. «Безобразное, близорукое и своекорыстное правительство в течение трёх десятилетий тщательно собирало горячие угли и покрывало их мокрым хворостом, думая, что это значит “управлять”, но хворост, как и следовало ожидать, высох и вспыхнул в громадный пожар, угрожающий теперь самому существованию деревянной постройки, называемой «Россия», соломенную крышу которой закрывал величественный глиняный фасад, отделанный “под мрамор”». Государство Кони уподоблял старушке, покупающей лотерейный билет. Руководители государства подобны игрокам, развлекающимся в салонном вагоне, едущем по пути к месту крушения. Победу кадетов Кони оценивал негативно («пролог Конвента»). Учредительное собрание ожидал как опасное мероприятие²⁹.

Кони утверждал, что С.Ю. Витте близоруко содействовал революции. «Теперь его песенка спета окончательно». Кони крайне негативно описывал новый состав правительства (однако, сам в него войти отказался), состоящий из типичных бюрократов. Кони очерчивал для В.И. Ковалевского свой политический облик. Кони отрицал союз с октябристами (мечтают восстановить старое самодержавие), с кадетами (не доволен их склонностью к насилию). Наконец, Кони выдвинула маленькая группа избирателей Литейной части независимым кандидатом³⁰. Сохранилось обращение Кони к внепартийным избирателям Литейной части о процедуре регистрации кандидата. Мы не знаем точные причины, но Кони не участвовал в выборах в Госдуму в 1906 г.³¹ Это письмо было одновременно и прощупыванием отношений с близкой по духу группой либерал-консерваторов от крупной российской буржуазии, одновременно выражением позиции сенатора по политическим проблемам. Интересно отметить, что, войдя в состав Госсовета, Кони часто солидаризовался с Витте, таким же пламенным оратором, как и сам сенатор. Старые враждебные отношения отступили на задний план, уступая место целесообразности. Между пожилыми политиками завязалась дружелюбная переписка, которая продолжалась до смерти Витте³².

Летом и осенью 1906 года Кони неоднократно уговаривали встать во главе министерства юстиции, он три раза разговаривал со Столыпиным. Но

²⁸ Кони А.Ф. Е.Н. Нарышкиной // Собрание сочинений: в 8 томах. М., 1968. Т. 8. С. 232–236; *Сашонко В.Н.* Указ. соч. С. 212–214.

²⁹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 823. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 1–2.

³¹ Там же. Д. 164. Л. 1.

³² ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1407. Л. 1–7.

всякий раз отказывался, ссылаясь на здоровье³³. Однако Столыпин не оставлял своих попыток, и по его приглашению Кони неоднократно посещал заседания Совета министров во втором полугодии 1906 г. (участвовал в обсуждении законопроекта о старообрядцах и сектантах). В конце концов Кони был рекомендован в члены Госсовета с 1 января 1907 г. (перед тем он некоторое время отказывался от этого членства)³⁴. По воспоминаниям поэта и друга премьер-министра И.И. Тхоржевского, Кони во власти «ценил один почёт». Столыпин передавал, что Кони два раза соглашался, во второй раз письменно. Тут же отзывал своё согласие. «И, Слава Богу!, – прибавлял с улыбкой Столыпин. – «Подумайте, министр – с таким характером!»³⁵. Сам отказ от поста министра юстиции по времени совпал с роспуском Государственной думы и Государственного Совета. Такое действие Кони оценил крайне негативно. В письме к супруге покойного Б.Н. Чичерина Александре Алексеевне он описывал мотивы своих решений, принятых в «горячее» лето второго года революции. Он констатировал, что всё общественные деятели отказались войти в это «общественное» правительство. Роспуск палат парламента был «совершенным безумием». Кони понимал, что его хотели использовать как прикрытие для усиления доверия к правительству, и участвовать в этом спектакле не собирался³⁶.

Размышления Кони о его политических перспективах содержатся в работе «Моя Гефсиманская ночь» и в его переписке с графом П.А. Гейденом, который выступал посредником между Столыпиным и сенатором. 15 июля 1906 г. состоялась встречи Кони с Гейденом, Гучковым, Львовым, Стаховичем и Ермоловым, которые упрашивали Кони принять пост министра юстиции в первом кабинете Столыпина³⁷. «Поздно», – размышлял Кони. «На этом боевом посту в годы революции мне не выдержать». Так считал наш герой. В письмах к Гейдену (16 и 19 июля) Кони приводил основные аргументы. После встречи с лидером партии мирного обновления Кони пишет ему 16 июля 1906 г. письмо, в котором перечисляет свои аргументы. Прежде всего, он отмечал, что якобы был популярен в прошлом и общество о нём «ничего не знает». Этот аргумент был заведомо ложен. Также он вновь говорил о своих болезнях, слабом сердце и т. д.³⁸ Этот аргумент был отчасти верен. Но только отчасти, так как впоследствии Кони не раз проявлял себя как вполне активный политик. Сенатор (в какой-то эгоистично) утверждал, что судебное сословие находится в упадке и поднимать его – непосильный труд. Кони считал себя плохим

³³ Сашонко В.Н. Указ. соч. С. 214–216

³⁴ Там же; ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 746. Л. 17.

³⁵ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 497. Л. 21.

³⁶ Кони А.Ф. А.А. Чичериной // Собрание сочинений: в 8 томах. М., 1968. Т. 8. С. 241–243.

³⁷ Кони А.Ф. Моя Гефсиманская ночь // Собрание сочинений: в 8 томах. М., 1968. Т. 2. С. 360–361

³⁸ Кони А.Ф. П.А. Гейдену // Собрание сочинений: в 8 томах. М., 1968. Т. 8. С. С. 238–241

администратором и утверждал, что не принесёт пользы. Он приводил примеры других перспективных юристов, которые могли быть администраторами. Такие же письма он написал Стаховичу и Ермолову³⁹.

Тем временем Гейден продолжал уговаривать Кони. На приёме у Столыпина переговоры продолжались (Кони отзывался о председателе правительства положительно). По замыслу Столыпина, у императора оставалось два варианта политической реакции: репрессии, уступка власти кадетам и формирование правительства из общественных деятелей, успокоившее общество накануне выборов⁴⁰. Повторив аргументы, изложенные в письме к Гейдену, Кони обращал внимание премьер-министра на то, что не владеет актуальной информацией о работе Минюста. Одновременно он прощупал мнение Столыпина об отмене смертной казни, на что получил категорический отказ. После этой встречи Гейден продолжал уговаривать Кони. Дальше напряжение росло. Ряд общественных деятелей обусловили своё вступление в министерство позицией Кони. В конце концов «Гейден и компания» вымогли у Кони письмо к Столыпину ещё об одной встрече. Однако в тот же день Кони вновь передумал и послал соответствующие письма Столыпину и Гейдену⁴¹. Вскоре состоялась вторая встреча со Столыпиным. Произошёл откровенный разговор. Кони подтвердил окончательный отказ от поста. Кроме того, по словам Кони, у Столыпина зародилось сомнение в необходимости создания правительства общественного доверия – «блока». Глава правительства осознал, что блок будет действовать коллективно и в случае конфликта целиком уйдёт в отставку⁴². В конечном счёте правительство, которое сформировал Столыпин, не включило в свой состав общественных деятелей и целиком подчинялось премьер-министру. Гейден вскоре признал правоту Кони и невозможность вхождения консервативных либералов в правительство со своими убеждениями. Людям самостоятельным и принципиальным пришлось бы иметь дело с царем и премьер-министром. Требовались исполнители, а не лидеры общественного мнения.⁴³

В конце 1906 г. Анатолий Фёдорович был членом комиссии, расследующей дело фирмы Лидваль (последнее уголовное дело сенатора), где сыграл решающую роль. Дело было использовано врагами Столыпина против его ближайшего соратника – В.И. Гурко, который лишился должности товарища министра внутренних дел. Действуя как истинный законник, сенатор вольно или невольно сыграл в интересах Витте, врага Столыпина. После этой истории Столыпин охладел к Кони. Зато началось сближение Витте и Кони.

После неоднократных отказов от должности министра юстиции Анатолию Фёдоровичу летом 1906 г. поступило новое неожиданное предложение – занять место министра народного просвещения. Обдумав эту идею,

³⁹ Кони А.Ф. Моя Гефсиманская ночь. С. 360–361; Кони А.Ф. П.А. Гейдену // Собрание сочинений: в 8 томах. М., 1968. Т. 8. С. 238–241.

⁴⁰ Кони А.Ф. Моя Гефсиманская ночь. С. 360–376.

⁴¹ Там же. С. 360–376.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

сенатор составил записку с отказом от должности. В том числе он писал, что никогда не занимал учебной или научной должности и не знал внутреннюю жизнь учёных корпораций; он не знал кадровый состав министерства и подчинённых ему учреждений, что неизбежно привело бы к серии ошибок при назначении новых чиновников; общая организация «педагогического здания» мне неизвестна⁴⁴

В качестве аргумента против занятия должности сенатор указывал сокращение компетенции министра в высшем образовании с расширением автономии университетов. В средней школе ему бы пришлось следовать идеям консерваторов или радикалов, не будучи при этом специалистом. В начальной школе Кони пришлось бы заниматься введением начального образования, министерство было бы ответственным за его состояние, при этом управление передавалось в местное самоуправление. Наконец, сенатор указывал на свое слабое здоровье, препятствующее активной работе⁴⁵.

Политические представления Анатолия Фёдоровича сформировались во второй половине XIX в. под влиянием либеральной идеологии, господствовавшей на юридических факультетах российских вузов. Будучи убеждённым практиком консервативного либерализма, он приложил много усилий для внедрения теории естественных прав человека в российском обществе. В то же время, находясь на государственной службе, он политикой не занимался. После конфликта с министром юстиции в ходе судебной контрреформы Кони покинул важные должности, одновременно приобретая политический капитал в городских кругах империи. Роль Кони резко выросла в годы первой революции. Он, с одной стороны, понимая, что государство пыталось его использовать, отказывался от министерских постов (как и другие либеральные легалисты), а с другой стороны – вёл свою игру поощряя и поддерживая образование праволиберальных партий, для лидеров которых он оставался непререкаемым авторитетом, фактическим вождем движения.

Список литературы:

1. *Доманова С.А.* Бытовое и бытийное во взаимоотношениях врача и пациента // *Философские проблемы биологии и медицины: сб. ст. М., 2015. Вып. 9. С. 36–42.*
2. *Краковский К.П., Соломко З.В.* История суда и правосудия в России: в 9 т. М.: Норма, 2020. Т. 5: Судостроительство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года). – 694 с.
3. *Сашонко В.Н.* А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л.: Лениздат, 1991. – 303 с.

Об авторе:

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 564. Оп.1. Д. 16. Л. 1–2.

⁴⁵ Там же.

РЫБИН Данил Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, директор, Всероссийский государственный университет юстиции, Санкт-Петербургский институт (филиал), (199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д.19, лит. А), e-mail: danilarybin@rambler.ru, balsak1@yandex.ru

ANATOLY FYODOROVICH KONI AS POLITICIAN

D.V. Rybin

All-Russian State University of Justice, *St. Petersburg, Russia*

The article reveals an important but unknown page in the life of the outstanding Russian lawyer An. F. Koni. A public figure of this magnitude could not but exert political influence on the state system. The very political worldview of a lawyer was formed gradually in the second quarter of the 19th century and can be attributed to the sphere of liberal legalism (conservative liberalism). The conflict with the conservative wing of the state elite in the 1890s brought Anatoly Fedorovich into the camp of moderate opposition to the authorities. The senator's political experiences led him to take an active part in the events of the first Russian revolution. He not only encouraged the creation of conservative-liberal parties, but also actively corresponded with major political figures and public figures about joint actions. Ultimately, after refusing to enter the "public government", Koni chose not public politics, but his usual "undercover" struggle in the state apparatus of the empire.

Keywords: *Koni A.F., Senate, Criminal Cassation Department, State Council, Ministry of Justice, liberal legalism, conservative liberalism.*

About the author:

RYBIN Danil Vyacheslavovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director, St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice, (199178, St. Petersburg, 10th line V.O., 19, lit. A), e-mail: danilarybin@rambler.ru, balsak1@yandex.ru

References:

- Domanova S.A., *Bytovoye i bytynoye vo vzaimootnosheniyakh vracha i patsiyenta*, Philosophical problems of biology and medicine: Sat. Art, Moscow, 2015, Issue 9, P. 36-42.
- Krakovsky K.P., Solomko Z.V. *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii*, in 9 volumes. T. 5: *Sudoustroystvo i sudoproizvodstvo v period kontrreform i v epokhu burzhuznykh revolyutsiy (1881 — oktyabr' 1917 goda)*, Moscow, Norma, 2020, 694 p.
- Sashonko V.N., *A. F. Koni v Peterburge – Petrograde – Leningrade*, Leningrad, Lenizdat, 1991.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023 г.

Подписана в печать 07.04.2023 г.